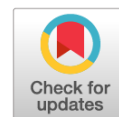

УДК 340.12

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643245>

Семиотика права: сущность и перспективы научных исследований

Ю.В. Сорокина

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

АННОТАЦИЯ

Представленная работа посвящена семиотике права как отдельной сфере юридического знания, которая имеет непосредственный выход на практику в смысле адекватного построения знаков в виде терминов, понятий и определений, научных парадигм. Автор обращается к эволюции развития семиотики, выделяя основные этапы и узловые достижения, которые в настоящее время стали аксиомами. При этом определяются главные составляющие семиозиса как процесса, способа познания смысла знаком. Одно из главных мест в процессе познания знаков занимает интерпретация, которая придает знакам смысл, что способствует познанию Другого. В процессе исследования автор обращается непосредственно к правовой семиотике, поскольку право представляет собой бесконечную систему знаков и значений, обретающих смысл благодаря интерпретации. В статье делается попытка обосновать практическое значение семиотики для юриспруденции.

Ключевые слова: семиотика; право; закон; десигнат; интерпретатор; лингвистика; синтактика; прагматика; знак; символ.

Как цитировать

Сорокина Ю.В. Семиотика права: сущность и перспективы научных исследований // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 4. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643245>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643245>

Semiotics of law: essence and prospects of scientific research

Yu.V. Sorokina

Voronezh State University, Voronezh, Russia

ABSTRACT

The presented work is focused on the semiotics of law as a separate sphere of legal knowledge, which has a direct outlet to practice in the sense of relevant construction of signs in the form of terms, concepts, definitions, and scientific paradigms. The author refers to the evolution of the semiotics development, highlighting the main stages and key achievements that have become axioms to date. At the same time, the main components of semiosis are defined as a process, a way of the meaning cognition through a sign. Interpretation, which gives meaning to signs, which contributes to the cognition of the Other, is one of the main aspects in the process of cognition of signs. In the process of research, the author directly refers to legal semiotics, since law represents an endless system of signs and meanings that acquire sense through interpretation. The article attempts to substantiate the practical significance of semiotics for jurisprudence.

Keywords: semiotics; justice; law; designatum; interpreter; linguistics; syntactic; pragmatics; sign; symbol.

To cite this article

Sorokina YuV. Semiotics of law: essence and prospects of scientific research. *Russian journal of legal studies*. 2024;11(4):31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643245>

Received: 21.11.2024

Accepted: 20.12.2024

Published online: 28.12.2024

Современная теория права в России как область правовой науки и как учебная дисциплина уже много лет базируется на позитивистской парадигме. Как справедливо замечает Н.Ф. Ковкель, «в этом ракурсе право представлено как набор статичных понятий, от нормы права до правопорядка, иногда не вписанных даже в „правовые концепты и достаточно далеких от социальной реальности“» [1, с. 210]. Современная теория права предлагает новые концепции правопонимания. В российской теории права были сформулированы концепции, отходящие от позитивистских догм: коммуникативная теория права (А.В. Поляков), диалогическая теория права (И.Л. Честнов). Ученые, специалисты теории и философии права пытаются внести свежее дыхание в теоретико-правовые науки с интенцией максимального приближения к правовой реальности, понимаемой в широком смысле слова, а не только к юридической практике. Более того, теория права должна быть отражением правовой реальности. Построение теории права на одной (позитивистской) концепции грозит искажением ее интерпретации. Необходима новая методология, также концепции и доктрины, новые подходы к пониманию права, расширение предмета теории права, в частности привнесение в теорию права достижений иных социальных и юридических наук, в том числе истории, социологии, философии, лингвистики. Н.Ф. Ковкель пишет: «Оптимальнее всего осуществлять этот процесс через включение междисциплинарных концепций и теорий, расширять горизонты теории права исследованием правовой реальности через анализ правового мышления, лингвистических и семиотических феноменов права» [1, с. 210]. По ее мнению, необходимо подойти к изучению права с позиций семиотики, «поскольку языковое бытие права представляет собой конгломерат различных видов правовых текстов и правовой речи» [1, с. 213]. Н.Ф. Ковкель предлагает ввести дисциплину «Правовой язык», что, как она полагает, «обогатит и освежит теорию права» [1, с. 213].

Обратимся к проблеме семиотики права. Первоосновой и отправной точкой семиотики права является лингвистическая наука — семиотика, которая позволяет изучить право как систему знаков и их интерпретаций. Семиотика — относительно новая область исследования, которая является рефлексией о языке, в том числе и языке права. И в период ее появления и сейчас отсутствует некий доктринальный консенсус, и это обеспечивает жизнеспособность данной науки, которая распространилась по всему миру. Но в то же время «она символизирует Вавилонскую башню, когда сообщество теоретиков и практиков не располагает пониманием общих предпосылок, а следовательно, общего языка» [2, с. 129–156]. Все признают, что объект семиотики — это знаки и символы, из которых по большому счету состоит язык, как общий, так и специальный, например правовой. Однако такое согласие предполагает существование как бесспорных аксиом, так и конвенциональных положений. За этим стоит

множество непримиримых позиций относительно того, как надо изучать знаки и символы, и понимание того, что именно представляют собой знак и символ. И все же семиотика есть теория знаков, что признается в качестве термина всеми научными сообществами [2, с. 129–156]. Интерес к знакам и символам возник в философии античного мира вместе с поиском истинного обозначения предметов и явлений, то есть с поиском ответа на вопрос об «истинности слов, из которых состоит язык», с постановкой теологической и философской задач, а именно того, насколько знаки и символы помогают нам познать Бога и мир [3; 4]. В Античность и Средние века мыслители размышляли относительно «истинности» слов, из которых состоит язык. С.Н. Зенкин ссылается на диалог Платона «Кратил», где философ задает вопрос, существует ли правильность имен относительно обозначения вещи от природы [3; 4]. То есть насколько какое-то слово, обозначающее предмет или феномен, выявляет их сущность. Или же, предполагает Платон, названия даются произвольно — так, как условятся люди. Дионисий Ареопагит, афинский аристократ, обращенный св. Павлом, стал автором фундаментальных трудов, в том числе работы под названием «О божественных именах», в которой автор ставит задачу богопознания. Дионисий пишет, что познать Бога как Сверхсущность невозможно, а можно только приблизиться, и то в малой степени. Путь такого познания состоит из поиска Его имен. Ареопагит пишет: «Богословы почитают не только те Божественные имена, которые имеют своим источником полные или частичные проявления Божьего промысла, но и те, что иногда происходят от некоторых Божественных видений, которые в Священных Храмах, или в иных местах озаряли посвященных или пророков, и на основании многих причин и сил дают имена пресветлому и сверхименуемому Благу, облакая Его в человеческие или в огненные или лучезарные формы и изображения» [5, с. 114]. В одном из параграфов Дионисий перечисляет имена Бога, представленные в Священном Писании и Священном Предании. Самое известное из имен Бога: «Его sum qui sum» — «Я есть Сущий» [6; 7, с. 14]. И далее Жизнь, Свет, Благой, Возлюбленный. В Ветхом Завете Бога часто называли Адонай, Элохим. Это показывает, насколько много обозначений имени Бога.

В начале XX в. тема имен Бога вызывала интерес у русских философов: С. Булгакова, эмигрировавшего после революции 1917 г., П. Флоренского, умершего в сталинских лагерях, А. Лосева, также покинувшего Россию.

В Новое время философы не утратили интерес к познавательной функции знака в контексте общественных отношений. Зенкин пишет: «С помощью знаков мы кратко записываем, и такие краткие записи — аббревиатуры идей, „узелки на память“ — изначально возникают и циркулируют внутри индивидуального сознания, и лишь затем служат для общения с другими людьми. Через их посредство мы фиксируем результат анализа, составляем

архив, библиотеку знаний. Словесные знаки образуют язык, с помощью которого люди мысленно осваивают окружающий мир и самих себя» [3; 8].

Впервые слово «семиотика» употребил еще Дж. Локк в своей работе «Очерк о человеческом понимании» («*Essey Concerning Human*»). Однако термин «семиотика» Локк употребил как название логики. Семиотику он отождествлял с ней.

В 1916 г. посмертно был издан труд выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (Ferdinand de Sossur) (1857–1913) «Курс общей лингвистики» (*Cours lingvistique general*), который считается началом формирования современной лингвистики. Де Соссюр писал, что язык занимает практически главное место в человеческой жизни, является ее основой. Он являет собой систему знаков, выражающих понятия. Следовательно, должна существовать наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества. Она, по мнению де Соссюра, является частью социальной и общей психологии. Ученый предложил ее назвать семиологией (σημιολογική) от слова знак (σημείον). Семиология должна ответить на вопрос: что представляют собой знаки и существуют ли для них какие-то законы? Лингвистику исследователь рассматривал как часть семиологии (процесс создания и жизни знаков), поскольку законы, которые открывает семиология, «будут также применяться и к лингвистике». Де Соссюр ввел в лингвистику несколько фундаментальных понятий для обозначения структуры речи:

- язык и речь — общие правила языковой деятельности и конкретное их применение;
- диахрония и синхрония, то есть изучение эволюции языка (диахрония) и исследование в актуальном времени (синхрония);
- парадигматика, то есть выбор знаков и их комбинирование для построения словесных выражений.

Многие считают, что язык — это некое обозначение, которое выражается в формировании названий предметов и явлений. Де Соссюр делает вывод, что знаки языка и обозначения имеют конвенциональный характер, то есть основываются на социальном соглашении. Они «лучше других реализуют идеал семиотического подхода. Вот почему язык — самая сложная и самая распространенная из систем выражения, является вместе с тем и наиболее характерной из них» [8, с. 105]. Де Соссюр различает понятия «знак» и «символ». Пользоваться символами в повседневности, по его мнению, не совсем удобно, поскольку их нельзя считать совсем произвольными. В них есть «рудимент естественной связи между означаемым и означающим» [8, с. 107]. Исследователь приводит пример: символ справедливости — весы. Весы использовались в Египте (богиня справедливости Маат) и в Древнем Риме (богиня Фемида). При этом утверждение о произвольности знаков и названий является не совсем правильным, поскольку они — результат коллективного сознания, и невозможно выявить причины, по которым означаемое

имеет определенного рода означающее, то есть конкретный знак.

На рубеже XIX–XX вв. лингвистическими проблемами стала заниматься леди Виктория Уэлсби (1837–1912 гг.) Исследовательница занимала высокое положение в обществе: ее крестной матерью была королева Виктория. В 1897 г. увидела свет ее книга «Зерна смысла» (*Grains of Sence*). Ранее уже были опубликованы такие работы, как «Значение и метафора» (*Meaning and Metaphor*) (1893 г.) и «Смысл, значение и интерпретация» (*Sense, Meaning and Interpretation*) (1896 г.). В «Зернах смысла» леди Уэлсби пишет об опасностях неправильного толкования и перевода: «Взаимная глухота, немота и слепота являются ментальным условием нашего современного Вавилона, но оставляют нас слишком свободными для взаимных столкновений, ссор и разрушений» [9]. Она даже призвала учредить международный Арбитражный лингвистический суд, поскольку считала, что язык выражения, если его усовершенствовать, будет являться дипломатическим орудием, способным разрешить конфликты в международном порядке. Таким образом, леди Уэлсби рассматривала язык как непереносимое условие установления права и мира, а возможно, и верховенства закона [9]. Леди Уэлсби ввела так называемую триаду смыслов: смысл, значение и значимость. Позже эта триада легла в основу юридического языка. В своей работе («Зерна смысла») Леди Уэлсби вводит термин «сенсифика» (*sensifica* — от *sense*, смысл). Потом этот термин будет заменен на «сигнифика» (*significs*) [10, с. 875–877]. Как пишет Н. Скрипник, «леди Уэлсби говорит о том, что сегодня стало трюизмом: использование языка не в исключительно буквальном смысле порождает с помощью достаточно ограниченных средств бесконечное число сочетаний и вариантов использования и употребления. Однако в этом случае уровень смысла, отличающийся от буквального, то есть уровень фигуральный, требует установления процедур интерпретации, поскольку множество языковых выражений с фиксированным значением ограничено» [10, с. 875–877].

Однако официально основателем семиотики является Чарльз Пирс (Charls Pierces) (1839–1914 гг.), современник леди Уэлсби. Он указывал, что цель его теории «состоит в определении значений и понятий» [7, с. 128]. Ученый впервые использовал семиотику в качестве термина, обозначающего конкретную науку. «Для него семиотика — это нормативная теория логики. В основе методологического анализа лежал поиск подтверждения гипотезы, что один знак ведет к возникновению другого, как одна мысль ведет к возникновению другой» [7, с. 128]. Знак может существовать в форме мысли, действия, слова, которые подлежат интерпретации и порождают другие знаки. Однако, как уже было сказано, Ч. Пирс рассматривал семиотику как часть логики, поэтому диалог у него имеет скорее формально-логический характер, чем социально-психологический, а знак

«есть репрезент, представляющий что-либо кому-либо» [7, с. 132]. Он адресуется некоему Другому, который этот знак интерпретирует. При этом интерпретация этого Другого имеет связь с первым знаком, и таким образом возникает диалог [7, с. 132]. Согласно Пирсу, ситуация, в которой определяются языковые отношения, представляет собой триаду: 1) объект языковой действительности; 2) знак, который является репрезентацией объекта; 3) интерпретация. К этому он добавлял четвертый элемент — значения знака: «знак есть носитель, сообщающий уму что-то извне» [7, с. 133]. Схема выглядит следующим образом: 1) объект — то, что обозначается знаком; 2) значение — смысл; 3) интерпретанта — идея, которую он выражает. Знак всегда имеет связь с интерпретатором, который истолковывает и понимает язык. Если же знак не может быть интерпретирован, он перестает быть знаком. Вспомним тотем, в частности черепаха у индейского племени делаверов. Однако человек, который не знает и не слышал об этом, не понимает смысл этого знака, а следовательно, черепаха для этого последнего не является знаком, он не связывает изображение черепахи с принадлежностью к определенной социальной группе. Интерпретанта — это идея, которую порождает знак. С помощью знака мы можем получить информацию о Другом, например о его принадлежности к какой-либо группе, об образе жизни, уровне образования. Приведем еще пример с белым одеянием невесты. Здесь имеют место две интерпретации. Первая — белый цвет отражает целомудрие женщины. Вторая — белый цвет — это цвет траура (иногда это саван), и считается, что девушка делает переход от одной жизни к другой. Чарльз Пирс прямо не обращался к правовой семиотике, но его труды иногда затрагивают право, а главное, его учение может быть представлено наглядно и реализовано на практике. Клара Фелицати в своей работе, посвященной семиотике права, использует положения Ч. Пирса при анализе метода принятия решений в практике Верховного суда США. Судьи Верховного суда США используют принципы права, на которых базируется их суждение, и, в свою очередь, создают прецеденты, что обеспечивает постоянство процесса правосудия. Но, с другой стороны, логика использует понятие разума в процессе стремления к истине независимо от того, удовлетворяет ли результат чувствам добра и зла. Ч. Пирс обратился к суждениям современного ему судьи Верховного суда США Оливера Уэндела Холмса (1841–1935). Проведя анализ суждений Холмса, Пирс посчитал, что они были основаны на логике поиска и открытия, то есть на логике исследования, «которая выходит за рамки силлогических исследований в попытке объяснить реальный процесс, посредством которого все мыслящие люди могут интерпретировать свои идеи, чтобы действовать на их основе и таким образом проверить их отношение к реальному миру» [9]. Холмс заявил: «Конституция США — это эксперимент, так же как вся

жизнь — эксперимент» [9]. Он подчеркнул важность терминологии в судебных решениях и в научных публикациях: «Если человек идет в юриспруденцию, он должен быть мастером в ней, а быть мастером в ней означает смотреть прямо сквозь драматические инциденты и различать истинную правовую основу для дальнейшего правотворчества. Поэтому хорошо бы иметь точное представление о том, что вы подразумеваете под законом, под правом (by law, by rights), под обязанностью (obligation), злым умыслом (evil intent), намерением (intention), небрежностью (lashes), под правом собственности (ownership), владением (possession) и т.д. У меня на памяти были случаи, когда высшие суды, как мне кажется, барахтались, поскольку не имели четкого представления о некоторых из этих схем» [9].

У Пирса ни одна книга не была опубликована при жизни. Публикация состоялась только после его смерти, в 1916 г. Его постигла судьба де Соссюра.

Важный вклад в теорию семиотики внес Чарльз Моррис (Charles Morris) (1901–1978), который начинал как последователь Пирса. В 1938 г. вышла его работа «Основание теории знаков» (Foundation of Theory of Signs). Моррис основывался на учении Пирса и заимствовал его идеи, к слову, часто без соответствующих ссылок. Характеризуя семиотику, Ч. Моррис пишет, что, «с одной стороны, семиотика — это самостоятельная наука наряду с другими науками, но с другой — она служит методом для других наук, следовательно, она является ценностью как таковая, так же как является инструментом для других наук» [11, с. 23]. Ч. Моррис разделяет понятия семиотики и семиозиса. Как он полагал, есть нечто, которое функционирует как знак, и это следует назвать семиозисом [12, с. 36]. Этот процесс включает в себя три составляющих: 1) то, что выступает как знак; 2) то, на что указывает знак, и 3) интерпретанта. Данные составляющие семиозиса он называет знаковым средством, десигнатом¹ и интерпретантой. Также Ч. Моррис дополняет эту триаду еще четвертой составляющей — интерпретатором [12, с. 11]. Интерпретанта и интерпретатор подразумевают друг друга, так как являются способом указания на аспекты процесса семиозиса. Семиозис Моррис рассматривал как триаду: синтактика, семантика и прагматика. Моррис называет их синтактическим, семантическим и прагматическим измерениями семиозиса. Синтактика изучает отношения между знаками, например слова и предложения. Семантика направлена на уяснение смысла знака, она характеризует отношение между десигнатом — означаемым и предметом реального мира — денотатом. Прагматика же характеризует действенность и эффективность знаков. Продолжая эту мысль, Моррис пишет, что синтактика представляет собой: 1) изучение знаков и их сочетаний, сконструированных посредством

¹ Это означаемое, которое находится в тесной связи с означаемым — денотатом.

правил синтаксиса, и 2) синтаксическую структуру языка, то есть «взаимосвязь знаков, обусловленную взаимосвязанностью реакций, результатом или частью которых являются знаковые средства» [12, с. 59]. Ч. Моррис начинает с произвольного набора правил, в качестве предварительного условия он признает взаимосвязь, «исходя из которой будут складываться возможные интерпретации у тех, кто будет толковать знаки» [12, с. 59]. Семантика «имеет дело с отношениями знаков к десигнатам» [12, с. 59], то есть к тем самым объектам, которые они обозначают, то есть денотируют или могут означать, то есть денотировать [12, с. 59]. И далее: «чистая семантика предлагает терминологию и теорию, которая необходима в процессе семиозиса. Дескриптивная семантика описывает реальные проявления этого измерения» [12, с. 63]. То есть семантика отвечает на вопрос, насколько значение знака характеризует реальный объект. Развитие семантики предполагает развитую синтактику. Морис утверждает, что семантика зависит от синтактики. Что касается прагматики, то она «констатирует условия, при которых знаковое средство является для интерпретатора знаком» [12, с. 75]. Моррис предполагал, что семиотика есть непосредственно научное знание, поскольку необходимо освободиться от паутин слов, и что язык, включая научный язык, а также специфические профессиональные языки, нуждаются в «очищении», упрощении и систематизации.

Правовая наука также использует триаду семиозиса. Семантика включает в себя основные юридические понятия: нормативность, запрет, дозволение, обязывание. Синтактика — это состав концептов или норм. Прагматика — отношение между знаком и интерпретатором, который им пользуется: судьи, адвокаты и т.д. [13, с. 59].

На некоторое время интерес к семиотике уменьшился и возродился только в 70-е гг. XX в., когда стали изучать вопросы о роли и месте юридической синтактики. Прошел первый симпозиум по праву и семиотике, который был проведен на ежегодной встрече Американского общества семиотики. В 1983 г. был основан Центр семиотических исследований в области права. Роберта Кевельсон (1931–1998 гг.), американская исследовательница семиотики, одна из основоположников правовой (юридической) семиотики, стала учредителем Международной Ассоциации семиотиков права и основателем журнала «Семиотика права». По ее мнению, «право и семиотика находятся <на тот момент> на той стадии процесса, которая вкратце заключается в согласии прийти к согласию» [9]. Значение семиотики в научном и практическом знании огромно, и, как пишет Клара Фелицитати, «каждый, кто серьезно наблюдал и размышлял о взаимосвязи идей и языка, должен понимать, как слова склонны реагировать на идеи, способствовать их развертыванию, препятствовать или контролировать их» [9]. Семиотика стала восприниматься как выход из путаницы терминологии, поскольку случается, что один и тот же

термин или фраза используются для выражения двух и более идей.

Французские лингвисты Альгирдас Жюльен Грейма и Жозеф Куртес утверждают, что теория семиотики соответствует теории сигнификации (*théorie de signification*). Эрик Лавандовски разрабатывал область семиотики в ее социальном значении и предлагал создать некий метаязык.

Право как система знаков является объектом изучения со стороны семиотической науки, поскольку обладает признаками семиотического объекта. Семиотика здесь становится правовой семиотикой и «представляет собой практику дискурса о праве» [14]. Семиотики и правоведы используют словосочетания «юридическая семиотика» и «семиотика права» как взаимозаменяемые, синонимичные. Хотя имеют место расхождения мнений о тождественности этих терминов. По-английски «юридическая семиотика» звучит как «legal semiotics», а «семиотика права» — «semiotics of law». Если понимать «law» как «закон», то «семиотика права» оказывается уже, чем «юридическая семиотика», так как «legal» переводится как «юридическое», «правовое». Но по наполнению «семиотика права» и «юридическая семиотика» являются синонимами. Американский ученый Тифенбрюн дал смысловую характеристику семиотики права: «Это специализированное исследование знаковых систем, которые являются основой правовых информационных обменов, обмена любыми сообщениями, и система знаков и значений, которые лежат в основе права» [12]. Таким образом, предмет юридической семиотики — это система знаков и значений, которая включает в себя три характеристики: 1) она изучает правовую сферу как бесконечную знаковую систему; 2) предлагает методы для познания и интерпретации правовых знаков; 3) ставит задачу формирования общего языка для юристов, как ученых, так и практиков. Что касается содержания юридической семиотики, то здесь предметом рефлексий является право и юриспруденция. Термин «закон» определяется как совокупность правил, исходящих от официальных источников, а также норм, которые сложились вне деятельности государственной власти, но ею принимаются и поддерживаются, то есть обычаев и обыкновений, которые являются обязательными к соблюдению или исполнению. В этом определении можно выделить два аспекта: 1) термин «закон» означает систему правил поведения; 2) они (знаки) принимаются и признаются социальными институтами (*community*) и органами власти (*authority*), будь то законодательные, исполнительные или судебные органы. В последнем случае речь идет о судебных прецедентах как источнике права в англосаксонской правовой семье. Здесь понимание закона соответствует позитивистскому правовому мышлению. Позитивизм отрицает требования моральности и справедливости в праве, а правовой смысл тесно связан с фактом принятия их органами государственной власти. Понятие «юриспруденция» оказывается

тесно связанным с понятием «закон». Юриспруденция определяется как знание и умение работать в правовой сфере; как наука, которая рассматривает человеческие законы, писанные и неписанные в целом; как система — свод законов, правовые системы и семьи². Более того, понятие «юриспруденция» применяется в качестве альтернативы термину «право». Понимание права необходимо как при познании смысла и назначения права, так и в практической юриспруденции для лучшего его применения. Роберта Кевельсон понимает право как некий индекс и как образ (icon) и символ, а правовую систему как сеть знаковых отношений, причем конфликтующих между собой в зависимости от типа правовой семьи. Она утверждает, что не существует ни одного типа юридического дискурса, где не было бы конфликтующих способов рассуждения. Следовательно, с точки зрения правовой семиотики правовая сфера не рассматривается как что-то единое и ограниченное, и, соответственно, невозможно выстроить единую правовую концепцию. В таком же ракурсе развивается дискурс о составе преступления, о смысле и структуре правоотношений, юридической ответственности и других правовых институтов [9]. То есть правовая сфера охватывает бесконечное число сочетаний между сигнификантами (означаемыми) и бесконечными интерпретациями. «С того момента как семиотическая теория приступает к анализу семиотического объекта (десигната), она находит практику дискурса в праве, сформированную на основе естественного языка. Она связана с темами и интересами семиотики как функционирующей социальной подсистемой» [2]. Все это позволяет изучать знаки и символы в праве. Под правовым символом понимается условный знак, существующий внутри правовой материи. Символ может восприниматься как знак, например, шествие под флагом означает принадлежность к государству. Но в то же время флаг — это символ, то есть знак, в который вложены определенные идеи. Флаг Франции — красно-бело-синий означает свободу, равенство, братство. Также и российский герб — символ Рима, а России как третьего Рима. Знак — это условный образ, сгущение правовой информации. Например, запрет проезда — «кирпич»³.

Также семиотика выполняет роль метода интерпретации: идентифицирует, классифицирует и описывает на стандартизированном языке способы обозначения, присутствующие в правовом дискурсе, которые открывают возможности для бесконечной интерпретации. Р. Кевельсон считает, что о семиотике права можно говорить, когда имеет место намеренное признание семиотики

как теории и метода и когда ученые проводят анализ права в соответствии с положениями семиотики [9]. Семиотика — это общий язык для расшифровки знаков и символов, которые могут использоваться специалистами в области семиотики, как юристами, так и лингвистами. Она выполняет роль своеобразного моста между правом и нормой, учеными и практиками, наукой о праве и различными социальными науками — философией, социологией, лингвистикой. Некоторые исследователи (Джексон) правовую семиотику предлагают рассматривать как метадисциплину, которая может предоставить язык для правовой науки и юридической практики, а также для вышеуказанных дисциплин. Право имеет дело с проблемами естественного, социального и субъективного мира и выступает в качестве внешнего референта законодательного дискурса. Задачи семиотики — осуществление всеобъемлющего и аналитического взгляда на то, как проявляется семиотический дискурс. «Семиотика придает праву междисциплинарный, дискурсивный, повествовательный взгляд, и это способствует тому, чтобы право осознавало свои границы и предлагало способы их пересмотра» [14]. Впрочем, правовая семиотика укоренена в философии и социологии.

В области правового языка семиотика исследует проблему соотношения языка и права. Семиотика права может работать как мост между знанием и функцией когнитивной интеграции [15], что способствует развитию теории права, выходу за пределы юридического позитивизма, который укоренился в правовой науке. Юридический дискурс, к слову, связан с юридическим значением через юридическую практику, которая, конечно же, является частью социокультурной динамики. Это позволило поднять проблему юридического языка, в частности рассматривать юридический язык как метасемиотику и его состояние постоянной эволюции. То, что кажется простой сменой терминов, подразумевает глубокое изменение в традиции понимания права и науки права, в традиции правовой догмы. Знаки и их системы порождают текст, в том числе правовой текст, который является объектом изучения уже другой науки, а именно правовой герменевтики.

Подводя итог, следует сказать, что правовая семиотика имеет широкие перспективы развития и внедрения в правовую науку, в правотворческий и правоприменительный процесс, поскольку это позволит избежать непонятности, двусмысленности, недопустимого толкования и находить слова, предложения, символы и знаки, которые будут способствовать совершенствованию правового регулирования и правового мышления.

² Dictionary Oxford English. Davis. 2008.

³ В настоящее время активно обсуждается вопрос, обладают ли смайлики правовой природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковкель Н.Ф. Современная теория права в поисках реальности: методологические возможности семиотики права. В кн.: В поисках теории права: монография / под ред. Е.Н. Тонкова, Е.Г. Самохиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 209–229.
2. Rochberg E., McMurtrey K. The foundation of modern semiotics: Charles Pierce and Carles Morris // *Am J Semiot.* 2007. Vol. 2, № 9. P. 129–156. doi: 10.5840/ajs198321/211
3. Зенкин С.Н. Семиотика культуры: учебное пособие для студентов-филологов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, а также аспирантов. Москва: Высшая школа экономики, 2023. 176 с. EDN: OFNRRF doi: 10.17323/978-5-7598-2707-8
4. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. I / под ред. А.Ф. Лосева. Москва: Мысль, 1990.
5. Ареопagit. О Божественных именах. О мистическом богословии. Санкт-Петербург: Глаголь, 1994.
6. Книга «Исход» – 3.14 // Библия с комментариями. Москва, 2006.
7. Кашин В.В. Мусин Д.З. О репрезентирующей функции знака // *Вестник ОГУ.* 2010. № 7(113). С. 127–132. EDN: MSSFBF
8. Соссюр. Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Урал, 1999.
9. Chapdelaine-Feliciati C. Semiotics in law // *Int J Semiot Law.* 2024. Vol. 37. P. 1185–1208. doi: 10.1007/s11196-024-10112-8
10. Скрипник К.Д. История семиотических идей: сигнифика леди Виктории Уэлсби // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика.* 2021. Т. 12, № 3. С. 875–887. EDN: BPDIXT doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-875-887
11. Posner R. Charles Morris and the behavioral foundations of semiotics. In: Krampen M., Oehler K., Posner R., editors. *Classics of semiotics. topics in contemporary semiotics.* Boston: Springer, 1987. doi: 10.1007/978-1-4757-9700-8_2
12. Моррис Ч. Основания теории знаков. Москва: Деловая книга, 2001.
13. Рекош К.Х. Язык и право в свете знаковой теории Ф. де Соссюра // *Филологические науки в МГИМО.* 2017. № 11(3). С. 59–67. EDN: ZTDEYJ
14. Eduard C. Bitter semiotics of law and legal meaning analyse of the status of legal dogmatic // *Signata.* 2022. Vol. 13.
15. Wagner A., Marusek S., editors. *Flags, color and legal narrative: public memory, identity and critic.* Springer Nature, 2021. 697 p.

REFERENCES

1. Kovkel NF. Modern theory of law in search of reality: methodological possibilities of semiotics of law. In: Tonkov EN, Samokhina EG, editors. *In search of the theory of law: monograph.* Saint Petersburg: Aleteya; 2020. P. 209–229. (In Russ.)
2. Rochberg E, McMurtrey K. The foundation of modern semiotics: Charles Pierce and Carles Morris. *Am J Semiot.* 2007;2(9):129–156. doi: 10.5840/ajs198321/211
3. Zenkin SN. *Semiotics of culture: a textbook for students of philology studying in bachelor's and master's degree programs, as well as postgraduate students.* Moscow: Higher School of Economics; 2023. 176 p. (In Russ.) EDN: OFNRRF doi: 10.17323/978-5-7598-2707-8
4. AF Losev, editor. *Plato. Collected Works in 4 Volumes. Vol. I.* Moscow: Mysl; 1990. (In Russ.)
5. Areopagite. *On Divine Names. On Mystical Theology.* Saint Petersburg: Glagoly; 1994. (In Russ.)
6. Book of Exodus – 3.14. In: *Bible with Commentaries.* Moscow; 2006. (In Russ.)
7. Kashin VV, Musin DZ. On the representing function of the sign. *Bulletin of Omsk State University.* 2010;(7):127–132. (In Russ.) EDN: MSSFBF
8. Saussure F. *Course in general linguistics.* Ekaterinburg: Ural; 1999. (In Russ.)
9. Chapdelaine-Feliciati C. Semiotics in law. *Int J Semiot Law.* 2024;37:1185–1208. doi: 10.1007/s11196-024-10112-8
10. Skripnik KD. The history of semiotic ideas: victoria lady Welby's signification. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics.* 2021;12(3):875–887. EDN: BPDIXT doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-875-887
11. Posner R. Charles Morris and the behavioral foundations of semiotics. In: Krampen M, Oehler K, Posner R, editors. *Classics of semiotics. topics in contemporary semiotics.* Boston: Springer; 1987. doi: 10.1007/978-1-4757-9700-8_2
12. Morris Ch. *Foundations of the theory of signs.* Moscow: Delovaia kniga, 2001.
13. Rekosh KH. Language and law in the light of the sign theory of F. de Saussure. *Linguistics & Polyglot Studies.* 2017;(11):59–67. EDN: ZTDEYJ
14. Eduard C. Bitter semiotics of law and legal meaning analyse of the status of legal dogmatic. *Signata.* 2022;(13).
15. Wagner A, Marusek S, editors. *Flags, color and legal narrative: public memory, identity and critic.* Springer Nature; 2021. 697 p.

ОБ АВТОРЕ

Юлия Владимировна Сорокина, д-р юрид. наук, профессор;
ORCID: 0009-0009-4669-737X; e-mail: yulia_sor@mail.ru

AUTHOR INFO

Yulia V. Sorokina, Dr. Sci. (Jurisprudence), professor;
ORCID: 0009-0009-4669-737X; e-mail: yulia_sor@mail.ru